

Линицкий Петр Иванович

**Философия Эдуарда
Гартмана**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П30

П30   **Петр Иванович Л.**
Философия Эдуарда Гартмана / Линицкий Петр Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 81 с.

ISBN 978-5-519-93508-1

ISBN 978-5-519-93508-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

христіанской, какъ уже пережитой и побѣжденной. И притомъ, если вѣрять взглядъ Гартмана на христіанство, то метафизика этого философа именно въ томъ должна бы заслуживать особаго признанія и предпочтенія, въ чемъ наиболѣе расходится съ христіанскимъ ученіемъ и отличается отъ него. Мы должны показать, — такъ ли это на самомъ дѣлѣ.

Конечно, говоря о неудовлетворительности христіанства для настоящаго времени и несоотвѣтствіи нынѣшнимъ потребностямъ образованнаго человѣчества, Гартманъ обсуждаетъ этотъ вопросъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія соціальной. Но соціальныя теоріи самостоятельнаго значенія не имѣютъ, а всегда предполагаютъ извѣстныя метафизическія начала и являются лишь примѣненіемъ и дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этихъ началъ. Поэтому, чтобы сдѣлать коренную оцѣнку какихъ либо соціологическихъ взглядовъ и сужденій, необходимо взять во вниманіе и тщательно разсмотрѣть лежащія въ основаніи ихъ метафизическія начала.

Гартманъ не довольствуется тѣмъ, чтобы его философія была заключительнымъ словомъ всего предшествующаго ему философскаго развитія. Не менѣе того онъ заботится о научномъ достоинствѣ и значеніи своей философіи. Онъ стремится создать метафизику строго научную. Посему если только метафизика Гартмана точно не имѣетъ ничего общаго съ христіанскимъ ученіемъ, или по крайней мѣрѣ оставляетъ позади себя христіанскую метафизику, какъ уже отжившую свое время то это означало бы, что не только философія, но и наука, которыя Гартманъ хочетъ объединить въ своей системѣ, также чужда христіанскаго духа и вправдѣ смотрѣтъ на христіанство, какъ на пережитое уже ею міросозерцаніе, отошедшее въ область прошлаго безъ всякаго серьезнаго значенія въ настоящемъ.

По всему этому стоитъ заняться разсмотрѣніемъ метафизики Гартмана.

I.

Есть два вида метафизики: религіозная метафизика существенно различается отъ метафизики научно-философской. Различіе этихъ двухъ видовъ метафизики не въ томъ заключается, что въ первой творчество фантазіи преобладаетъ надъ трез-

вымъ изысканіемъ разсудка; безъ помощи фантазіи не обходится и метафизика философская, а съ другой стороны и въ метафизикѣ религіозной творчество фантазіи имѣетъ лишь второстепенное, а вовсе не главное значеніе. Религіозная метафизика отвѣчаетъ на вопросы о происхожденіи міра, о положеніи въ немъ человѣка, о конечной ихъ цѣли и будущей судьбѣ. Важность разрѣшенія этихъ вопросовъ для человѣка состоитъ въ томъ, что отъ этого зависитъ и взглядъ на жизнь и достоинство поведенія. Значить центръ тяжести религіозной метафизики заключается въ нравственно-дѣятельной сторонѣ жизни, и оттого метафизика эта отличается обыкновенно догматическимъ характеромъ: нужны твердыя и неизмѣнныя начала для того, чтобы общее направленіе жизни и характеръ поведенія были точно опредѣленными и устойчивыми. Разумѣется, это черты религіозной метафизики формальныя, которыми вовсе не опредѣляется достоинство религіознаго ученія по внутреннему содержанію и происхожденію. Предметомъ научно-философской метафизики служитъ вопросъ о *бытіи*, или иначе,—о сущности, а не о происхожденіи и конечной цѣли вещей. Останавливая все свое вниманіе на вопросѣ о бытіи, философія обыкновенно или отрицаетъ происхожденіе: бытіе не происходитъ и не уничтожается,—таково первое положеніе, выраженное философіей о бытіи,—или же понимаетъ происхожденіе не въ смыслѣ первоначальнаго возникновенія, а какъ образъ, законъ *бытія*. Платонъ въ этомъ смыслѣ весь чувственный міръ вещей обозначаетъ словомъ *происхожденіе*—*γένεσις*. Понятно, что метафизика научно-философская становится возможною,—только когда уже существуетъ метафизика религіозная и обыкновенно возникаетъ на почвѣ послѣдней. Ибо задача научно-философской метафизики—познать истинное бытіе вещей. А такое стремленіе можетъ возникнуть, когда уже обезпечено удовлетвореніе болѣе общихъ и насущныхъ потребностей духовной жизни человѣка, когда твердо установлены основныя начала поведенія, опредѣляющія общее теченіе жизни. Для жизни необходимы твердыя начала; познаніе же истины, какъ цѣль чисто теоретическая, осуществляемая внутреннимъ образомъ въ духѣ, безъ всякаго отноше-

нія ко внѣшнему порядку жизни, требуетъ непрерывнаго изслѣдованія, отъ одного возбуждаемаго имъ сомнѣнія переходящаго къ другому. Посему въ философской метафизикѣ дѣйствуетъ тотъ же духъ умственной пытливости и непрерывнаго изысканія, что и во всякой наукѣ и что составляетъ ея сущность.

Какъ же должно понимать самое бытіе, составляющее предметъ философской метафизики, что именно выражается этимъ понятіемъ. Иногда такъ опредѣляютъ отношеніе между метафизикой, какъ наукой, и другими науками. Метафизика—это наука *общая*, другія же науки имѣютъ характеръ *спеціальный*. Поэтому метафизика, говорятъ, изслѣдуетъ въ общемъ и цѣломъ то самое, что другія науки изслѣдуютъ по частямъ. При такомъ взглядѣ на метафизику, она оказывается просто сводомъ выводовъ наиболѣе общихъ изъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ. Но какимъ образомъ бытіе можетъ быть цѣлымъ и какъ возможно раздѣленіе его на части? Вѣдь единство—необходимое свойство бытія; бытіе едино по ученію древнихъ элейцевъ. Имѣя это въ виду, другіе замѣняютъ непонятное слово—*бытіе* другимъ, болѣе понятнымъ терминомъ—*міръ*, и говорятъ, что міръ, въ цѣломъ взятый, есть предметъ философіи, другія же науки изслѣдуютъ міръ по частямъ. Но и такое пониманіе предмета философіи нельзя признать правильнымъ: есть философскія ученія, въ которыхъ утверждается даже, что міръ для насъ непознаваемъ (философія Сократа, Канта). Вотъ почему еще говорятъ, что хотя бытіе нельзя дѣлить на части, но что оно можетъ быть изслѣдуемо и познаваемо съ разныхъ сторонъ; отсюда различіе философіи отъ наукъ спеціальныхъ опредѣляется такъ: философія изслѣдуетъ бытіе со стороны единства его, т. е., изслѣдуетъ то, что есть *общаго* въ бытіи, другія же науки изслѣдуютъ бытіе со стороны разнообразія его явленій,—это науки спеціальныя, ибо каждая спеціальная наука имѣетъ своимъ предметомъ какую либо частную область явленій. Не понятно, почему другія науки довольствуются изслѣдованіемъ *явленій*, если есть возможность изслѣдовать и познать самое бытіе. Но точно ли бытіе познаваемо,—спрашиваютъ далѣе и такъ разсуждаютъ: нѣтъ, бытіе непознаваемо; познаваемы только явленія, а такъ какъ явленія по частямъ изслѣдуются спеціальными

науками, то на долю философіи ничего не остается кромѣ изслѣдованія самаго *познанія*. Не *бытіе*, а *познаніе*, говорятъ, есть истинный предметъ философіи. *Философія* должна быть не *онтологіей*, а *гносеологіей*.

Чтобы найти выходъ изъ этаго лабиринта недоумѣній по вопросу о предметѣ философіи, слѣдуетъ выкинуть въ самый смыслъ вопроса о бытіи, а смыслъ этотъ самъ собою сдѣлается яснымъ, когда обратимъ вниманіе на первоначальный поводъ возникновенія означеннаго вопроса.

Всякому по опыту извѣстно, какъ часто наши представленія не совпадаютъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ и свойствами вещей. Ожидаемъ встрѣтить одно, а на дѣлѣ оказывается совсѣмъ иное, по нѣкоторымъ даннымъ мы составляемъ извѣстное мнѣніе или представленіе о предметѣ, но ближайшее знакомство съ предметомъ убѣждаетъ насъ, что мы этотъ предметъ неправильно представляли и невѣрно судили объ немъ. Такимъ образомъ, мы рано научаемся различать кажущееся, представляемое нами отъ существующаго въ себѣ. Если мы распространимъ это различіе на весь міръ вещей, на всю познаваемую дѣйствительность, то самъ собою предстанетъ предъ нами вопросъ—въ чемъ состоитъ и какъ мы должны понимать *истинное бытіе* вещей, бытіе, независимое отъ всякихъ обманчивыхъ и вообще невѣрныхъ объ немъ мнѣній и представленій. Мы хотимъ знать не то, какъ и чѣмъ являются намъ вещи, но каковы онѣ сами въ себѣ, въ своей истинной сущности. Сущность и есть самое бытіе, взятое независимо отъ того, чѣмъ и какъ оно является намъ.

Если бы наши ошибки были только произвольныя, зависящія отъ поспѣшности, недосмотра, то бѣда была бы еще не велика, ибо подобнаго рода ошибки легко исправимы. Но есть неправильности въ нашихъ представленіяхъ и сужденіяхъ непроизвольныя, зависящія отъ необходимыхъ свойствъ нашихъ познавательныхъ способностей. Для исправленія подобнаго рода заблужденій необходимъ уже обширный и непрерывно продолжаемый трудъ изслѣдованія, необходима *наука*. Если бы познаніе наше было дѣломъ исключительно однихъ внѣшнихъ чувствъ, въ такомъ случаѣ мы должны были бы навсегда оставаться

при невѣрныхъ и ограниченныхъ представленіяхъ чувственныхъ. Но человѣкъ одаренъ разумомъ, т. е., способностію анализировать показанія чувствъ, провѣрять чрезъ сопоставленіе однихъ съ другими, настоящихъ съ прежними, или наоборотъ, показанія одного чувства со свидѣтельствами другого, придумывать разные способы усовершенія чувственного воспріятія, восполнять наблюденія однихъ лицъ свидѣтельствами другихъ; на основаніи даннаго выводять заключенія о томъ, что не дано, составлять предположенія и испытывать ихъ правильность и т. д.

При помощи подобнаго рода сложныхъ и разнообразныхъ способовъ изысканія, употребляемыхъ преемственно множествомъ лицъ и на протяженіи многихъ вѣковъ, все болѣе и болѣе выясняется и опредѣленно устанавливается различіе между истиннымъ бытіемъ и кажущимся, между міромъ умопостигаемымъ и міромъ феноменальнымъ, между строго научнымъ пониманіемъ вещей и пониманіемъ ихъ общенароднымъ, не научнымъ.

Постепенное развитіе этого научнаго пониманія дѣйствительности изображается у Гартмана въ слѣдующихъ чертахъ.

Научному міропониманію предшествуетъ міросозерцаніе общаго здраваго смысла, свойственное всѣмъ людямъ. Это такъ называемый наивный *реализмъ*, состоящій томъ, что въ нашихъ представленіяхъ о внѣшнемъ мірѣ то, что свойственно субъекту представляющему и отъ него исходитъ вовсе еще не различается и не разграничивается должнымъ образомъ отъ того, что составляетъ принадлежность внѣшняго независимаго отъ насъ бытія, но одно съ другимъ смѣшивается и отождествляется. Наивный реализмъ вѣритъ въ бытіе тѣлеснаго міра, — *временно-пространственнаго*, въ которомъ, какъ нѣкоторая его часть, находится наше тѣло, и въ которомъ всѣ тѣла, какъ одушевленные такъ и неодушевленные, дѣйствуютъ другъ на друга. Это всѣ признаютъ. Всѣми также признается, что въ смѣнѣ явленій міра и въ воздѣйствіи другъ на друга частей его есть нѣкоторая закономерность и правильность и что закономерность перемѣнъ въ мірѣ зависима отъ постоянства составныхъ его частей. Мы убѣждены, что вещи продолжаютъ существовать и тогда, какъ мы ихъ не видимъ, что онѣ неза-

висимы отъ нашего сознанія. Пусть это убѣжденіе невѣрное, однако оно свойственно всѣмъ людямъ, а потому слѣдуетъ объяснить происхожденіе его и показать почему всѣ сообразуются съ этимъ убѣжденіемъ практической жизни. Мы убѣждены, что содержаніемъ нашего сознанія служатъ самыя вещи, внѣ его пребывающія, а не образы вещей: я вижу глазами и трогаю столъ самый, а не образъ его; мы убѣждены, что наблюденіе состоитъ въ воспріятіи самой вещи, и что бытіе вещи, какъ отличное отъ воспріятія, не начинается вмѣстѣ съ началомъ наблюденія и съ прекращеніемъ его не прекращается. Наблюденіе можетъ быть неполнымъ, одностороннимъ, неяснымъ и даже неправильнымъ, но это зависитъ отъ ограниченности и несовершенства чувствъ. Зрѣніе, осязаніе и вкусъ даютъ воспріятіе поверхности. Но обоняніе воспринимаетъ частицы, которыя отдѣляются отъ вещи. Такой же характеръ имѣютъ ощущенія тепла, свѣта и звука. Теплота, звукъ и свѣтъ признаются свойствами вещи, отъ которой исходятъ. Тѣсная связь голосовыхъ звуковъ у человѣка и животныхъ съ душевными состояніями рождаетъ представленіе о душевной, внутренней сторонѣ вещей. Закономѣрность перемѣнъ приводитъ насъ къ мысли, что основаніемъ перемѣнъ должно быть неизмѣняемое зерно вещи (субстанція), а перемѣна свойствъ предполагаетъ измѣненіе отношеній между вещами и ихъ частями (причина и дѣйствіе). Категоріи субстанціальности и причинности существенны для опытнаго представленія о мірѣ. Чрезъ безусловную устойчивость субстанцій и постоянство свойствъ, которыя безъ достаточныхъ причинъ не измѣняются, обеспечивается непрерывность міра и независимость его отъ наблюденія.

Итакъ, положенія наивнаго реализма таковы: наблюдаются самыя вещи, а не только ихъ дѣйствія; наблюдаемое таково само по себѣ, какъ наблюдается; причинность вещей, т. е., ихъ взаимодѣйствіе, также познается чрезъ наблюденіе. Вещи таковы, какими наблюдаются и тогда, какъ мы не наблюдаемъ ихъ (вещь въ себѣ). Посему вещи одинаковы для всѣхъ наблюдающихъ; для всѣхъ этотъ міръ служитъ связующимъ звеномъ и средствомъ взаимнаго пониманія.

Эти положенія наивнаго реализма разрушаются научнымъ анализомъ.

Наивный реализмъ предполагаетъ, что наблюдаются чрезъ непосредственное соприкосновеніе съ чувственными органами (частицъ, которыя отдѣляются отъ вещей) самые матеріалы, а не силы. Но *физика* всякій матеріаль превращаетъ въ *систему силъ*, а матеріальное соприкосновеніе въ *динамическое дѣйствіе на разстояніи* (*actio in distans*); предполагаемое же отдѣленіе отъ вещей невѣсомыхъ матеріаловъ превращаетъ въ распространіе волнообразныхъ движеній центровъ силъ. Такъ, звукъ, по ученію физики, есть дѣйствіе, производимое въ ухѣ ударомъ воздушныхъ волнъ. Глазъ также воспринимаетъ только дѣйствіе или возбужденіе, производимое свѣтомъ, а что послѣдствіемъ такого рода возбужденій является образъ вещи, то это зависитъ отъ особаго устройства глаза. Физическою причиною явленій свѣта также служить волнообразное движеніе. То же самое должно сказать о теплотѣ, объ электрическихъ разряженіяхъ, а химическихъ агентахъ, въ жидкомъ и газообразномъ состояніи дѣйствующихъ на вкусъ и обоняніе. Химическое дѣйствіе вкусовыхъ и пахучихъ веществъ состоитъ въ томъ, что измѣняется колебательное движеніе молекулъ чувствующаго органа, причемъ такая перемѣна производится движеніемъ молекулъ обоняемаго или вкушаемаго матеріала чрезъ перенесеніе движенія ээира, окружающаго тѣ и другіе молекулы. Воспринимается при этомъ не самое движеніе молекулъ, а только его послѣдствіе, нѣкоторое динамическое дѣйствіе, ибо вообще невозможно непосредственное соприкосновеніе одного матеріала къ другому. Такъ, ощущеніе непроницаемости есть активное противодѣйствіе отталкивательныхъ силъ, слѣдовательно, осязается не самая вещь, а только исходящее отъ поверхности ея динамическое отталкивательное дѣйствіе. Итакъ заключеніе, къ которому приводитъ физика о чувственномъ воспріятіи, таково: воспринимаются не самыя *вещи*, а ихъ *дѣйствія*, и между свойствами вещей, а равно посредствующими дѣйствіями ихъ движеніями съ одной стороны, а ощущеніями—съ другой нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Что общаго между твердостію и мягкостію и соотвѣтственными имъ разностями

въ силѣ сдѣленія и формѣ поверхности; вмѣсто непрерывной матеріи получается совокупность непрерывно движущихся частицъ; протяженно дѣйствіе силъ, но субстанціи ихъ, атомы не протяженны.

Физика однако признаетъ, что существуютъ внѣ нашего сознанія пространство и время, ибо для всякаго атома должно быть опредѣленное *мѣсто*, а перемѣна мѣста, т. е., движеніе, происходитъ *во времени*. Предположеніе это (о реальности пространственныхъ и временныхъ отношеній) составляетъ остатокъ наивнаго реализма, и при томъ остатокъ для физики необходимый, ибо съ устраненіемъ этого остатка и физика становится ненужною.—Физическая природа, какъ что-то отдѣльное отъ нашего сознанія, исчезаетъ. Для физики необходимо признаніе пространственности атомовъ и временности свойствъ ихъ перемѣнъ, иначе физическое изъясненіе природы невозможно. Но когда разрушено убѣжденіе наивнаго реализма въ познаваемости самихъ вещей, когда признано, что познаваемы только дѣйствія вещей, на основаніи которыхъ составляются заключенія и о самихъ вещахъ, то и убѣжденіе въ реальномъ бытіи пространства и времени не можетъ быть допущено ради того только, что сила этого убѣжденія велика.

По воззрѣнію *физики* предметъ чувственнаго воспріятія—не самыя вещи, а только непосредственное или посредственное *дѣйствіе* вещи на чувства. Для физики вещи обращаются въ систему динамическихъ дѣйствій, или въ объективныя *явленія*. Но такое воззрѣніе возможно дотолѣ, пока не обращается вниманіе на человеческое тѣло, а только имѣются въ виду лежащія внѣ границъ тѣла явленія природы. *Физиологія* разрушаетъ иллюзію, будто мы воспринимаемъ дѣйствія вещей. Посредствомъ внѣшнихъ чувствъ нервамъ передается не самое дѣйствіе вещи, а только *возбужденіе*, являющееся послѣдствіемъ этого дѣйствія. Свѣтовое впечатлѣніе обращается въ химическое возбужденіе, и тоже самое происходитъ при воспріятіи вкусовыхъ и обонятельныхъ впечатлѣній. Специфическое возбужденіе оконечности чувственнаго органа обращается въ колебательное движеніе нервного волокна: движеніе это передается затѣмъ мозгу. Опыты, произведенныя надъ истеричными,

показываютъ, что бываетъ нѣкоторое душевное безчувствіе—слѣпота и глухота, не препятствующая однако мозгу воспринимать чувственныя впечатлѣнія, слѣдствіемъ которыхъ являются цѣлесообразные рефлективные акты; впечатлѣнія эти преобразуются также въ отправленіе не парализованнаго чувства, и въ такомъ видѣ переходятъ въ мозговое сознаніе, у здоровыхъ это бываетъ въ гипнотическихъ состояніяхъ, а въ сомнамбулизмѣ, какъ извѣстно, пишутъ, говорятъ, исполняютъ разныя дѣла. И въ нормальномъ бодрственномъ состояніи, какъ показывается изученіе памяти и вниманія, много значитъ, при перемѣнѣ содержанія въ сознаніи, не вполне сознательное воспріятіе, происходящее въ низшихъ слояхъ мозга, и пробужденіе воспоминанія этихъ воспріятій. Даже сознательное воспріятіе обуславливается безсознательнымъ усвоеніемъ и переработкою второстепенныхъ формъ возбужденія.

Итакъ вотъ къ какому результату приводитъ фізіологическій анализъ процесса воспріятія: центральный мозгъ, на которомъ опирается человѣческое нормальное бодрственное сознаніе, воспринимаетъ отъ приносящихъ къ нему нервовъ только фізическое возбужденіе къ молекулярнымъ формамъ движенія его узловъ (гангліозной) субстанціи, но такое движеніе настолько далеко отъ сходства съ первоначальнымъ фізическимъ возбужденіемъ, сколько дѣйствуетъ при этомъ промежуточныхъ членовъ, преобразуя его и видоизмѣняя. Какъ преобразуется это центральное состояніе движенія въ состояніе—сознательнаго ощущенія,—этого мы не знаемъ. Одно вѣрно, что свойство ощущенія зависитъ отъ этого центрального состоянія движенія и что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого сродства.

Съ фізической точки зрѣнія существуетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторая аналогія между пространственнымъ расположеніемъ фізическаго движенія и пространственнымъ созерцаніемъ, свойственнымъ сознанію. Съ точки зрѣнія фізіологіи эта аналогія исчезаетъ. Возбужденія нервныхъ окончностей глаза напимѣръ различаются для центра не пространственнымъ положеніемъ и порядкомъ нервныхъ волоконъ, о чемъ сознаніе не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, а только качественно различнымъ колоритомъ. Для ощущенія всѣ пространственныя

различія превращаются въ качественныя. Пространственность содержаемаго въ сознаніи никакъ нельзя вывести изъ пространственности мозга, какъ и изъ пространственности вещей въ себѣ, ибо пространственно раздѣленное внѣ мозга соединяется въ мозгѣ, а пространственная раздѣленность возбужденій служить только къ качественному ихъ различенію.

Если бы душа могла наблюдать нѣчто реальное, внѣ ея находящееся, то она наблюдала бы молекулярныя движенія мозга (ибо находится въ мозгу и мозгъ ближайшій къ ней объектъ), но она ничего не знаетъ о мозгѣ и его движеніяхъ: тѣмъ болѣе она не можетъ наблюдать самыя вещи. Слѣд. она *воспринимаетъ лишь состоянія своего сознанія*. Что душа реагируетъ ощущеніями на колебательныя движенія частицъ мозга,—и этого она не сознаетъ, а сознаетъ только результаты своей дѣятельности.—Ощущеніе первичный объектъ сознанія, а чрезъ преобразованія ощущенія получаютъ дальнѣйшіе объекты. Чрезъ пространственный распорядокъ (локализацию) ощущений (который душа сама производитъ) происходитъ *созерцаніе*. Чрезъ *проекцію* созерцаніе становится внѣшнимъ, а проекція состоитъ въ присоединеніи къ двумѣрному распорядку ощущений (первоначально свойственному зрительнымъ ощущеніямъ) третьяго измѣренія—въ глубину. Эта проекція (отнесеніе ощущений—состояній внутреннихъ—отъ себя ко внѣ) есть слѣдствіе безсознательнаго умозаключенія, комбинирующаго ощущенія зрительныя и осязательныя съ мускульными ощущеніями движенія.

Философская критика наивнаго реализма устраняетъ самое то предположеніе, изъ котораго исходятъ физика и фізіологія,—именно что существуетъ міръ вещей внѣ нашего сознанія, и что такъ или иначе наблюденіе наше относится къ вещамъ, пребывающимъ внѣ насъ. Философская критика показываетъ, что представленіе внѣшняго міра—фактъ сознанія, всецѣло объясняемый изъ ощущений и дѣйствій разсудка, частію безсознательныхъ, частію сознательныхъ. Дѣйствія эти состоятъ въ томъ, что а) къ ощущеніямъ присоединяется элементъ созерцанія вслѣдствіе того, что ощущенія зрѣнія и слуха являются для сознанія пространственными съ двоякимъ измѣреніемъ (въ длину и ширину), затѣмъ проектируются эти самыя ощущенія въ глуби-